

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.12.19.057

Мифологема как инструмент исследования глубинной сущности серийного убийства

Мнацакян Людмила Александровна

Кандидат искусствоведения,
ведущий специалист-эксперт отдела по вопросам гражданства,
УВМ ГУ МВД России по Краснодарскому краю,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Коммунаров, 266;
e-mail: lmnatcakanian@mvd.ru

Цева Светлана Касимовна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Курбанова Елена Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент,
завкафедрой административного и уголовного права,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: elena-kurbanova@mail.ru

Аннотация

В статье намечаются пути формирования опыта постановки проблемы рассмотрения серийного убийства сквозь призму мифологических представлений и расширения рамок подхода к допросной деятельности. Показано, что серийное убийство всегда совершается под действием возрастной регрессии (уход в прошлое), гипермнезии (наслоение, наплыв воспоминаний), и представляет собой некий итог внутреннего диалога убийцы со своим прошлым. Понятия «аффект» и «транс» в данном случае оказываются крайне близки, с той лишь разницей, что пролонгация во времени в состоянии аффекта сокращена. Конечно же, здесь не идет речь о том, что результаты психиатрических экспертиз следовало бы подвергать сомнению. Напротив, экспертиза дает научное медицинское подтверждение тому факту, что совершение убийства предполагает измененное состояние сознания, так или иначе концентрирующее внимание серийного убийцы. Конечно же, в рамках одной статьи невозможно полноценно продемонстрировать механизм функционирования обозначенного межпредметного синтеза. Тем не менее, в настоящей работе положено начало нового неординарного подхода к изучению некоторых вопросов, находящихся в уголовно-правовом поле.

Для цитирования в научных исследованиях

Мнацаканян Л.А., Цеева С.К., Курбанова Е.М. Мифологема как инструмент исследования глубинной сущности серийного убийства // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 374-381. DOI: 10.34670/AR.2023.12.19.057

Ключевые слова

Убийство, уголовное право, миф, архетип, ритуал, транс, трансовое действо, допрос.

Введение

Убийство как социальное явление неразделимо связано с историей не только человечества, но и животного мира, чем и определяется актуальность данной темы.

Обратившись к истории затронутого вопроса, можно обнаружить фиксацию феномена убийства в древних памятниках мифотворчества: от древнегреческой литературы до оплота христианской веры – Библии. Инстинкт убивать, присущий человеку первобытному и животным с целью сохранения собственной жизни, трансформировался, в результате длительного процесса эволюции, и у «человека «разумного» превратился в антисоциальное злонамеренное действо.

С одной стороны, нет ничего проще, чем понять, что такое убийство, с другой – убийство это сложный, многоуровневый (юридический, социальный, психологический, философский, культурный, нравственный, медицинский) феномен, имеющий разветвленную систему междисциплинарных связей. Особый интерес в контексте затронутой проблематики представляет серийное убийство.

Основная часть

Учеными данной теме уделено немало внимания, тем не менее, фундаментальных трудов, посвященных феномену серийного убийства, в которых бы освещался целостный подход к исследованию обозначенного вопроса практически не имеется. В этой связи может представлять теоретическую и практическую ценность опыт межпредметной интеграции.

Как известно, возможность соотношения науки и искусства, и, шире – культуры, в отечественной науке была предложена и подробно рассмотрена Ю.М. Лотманом, а позже Д.С. Лихачевым. Принимая во внимание подобный опыт, проанализируем следующие закономерности.

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации определяет убийство как умышленное причинение смерти другому человеку [Есаков, 2022]. С юридической точки зрения дефиниция предельно ясна.

Тем не менее, обращаясь к уголовной практике, нам открывается только описанная фактами часть деяния, влекущего за собой ряд уголовно-процессуальных действий, в то время как за самим преступлением, на наш взгляд, скрыт глубинный культурный код, истинное понимание которого подразумевает, в свою очередь, обращение к мифу как воплощению «коллективного бессознательного» [Юнг, 1996].

Так, топографическая модель человеческой психики включает в себя три уровня:

Бессознательное. Это наиболее глубокая часть человеческой психики, состоит преимущественно из инстинктов и вытесненных воспоминаний. Оно отражено в мифе как

воплощении коллективной памяти рода, живущей в каждом человеке и транслируемой в архетипах и мифологемах как конкретном проявлении архетипа.

Предсознательное. Совокупность переживаний человека, восстанавливаемая волевым усилием. Состоит в основном из невостребованного в данный момент опыта.

Сознательное. Это переживания, осознаваемые в данный момент, достижение порядков, установленных социумом.

Касаемо мифа А.Ф. Лосев писал: «Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью» [Лосев, 2017]. Из данной цитаты следует, что миф, будучи инструментом передачи концептуальной информации, призван воплощать не только эстетические концепты, но также направлен и на отражение низменных человеческих пороков, и, следовательно, может «быть использован» с целью структуризации криминалистического аппарата (в широком смысле).

Сосредоточимся на пересечении понятий уголовно-правового поля и мифологического сознания. Необходимо отметить, что теория уголовного права в современной науке является самодостаточной и до настоящего момента не предполагала неординарных корреляций. Однако, представляет особый интерес попытка рассмотрения криминального деяния (феномена серийного убийства) в аспекте мифологического сознания с целью предложить типологию серийных убийц с точки зрения универсальной, на наш взгляд, бинарной позиции «мифологическое/внемифологическое» [Мнацакян, 2014] и обозначить возможные принципы организации допроса, опираясь на основные концепты коллективного бессознательного.

Как известно, мифологическое сознание транслирует собственные классификации явлений. В.Н. Топоров отмечал, что цель таких классификаций в выработке формального аппарата, дающего схемы группировок конкретных вещей, выявляющего их сходства и различия, определяющего вещную структуру вселенной, что закладывает предпосылки для нынешних и будущих содержательных интерпретаций. Классификации служат для упорядочивания мира и представлений о нем, таким образом, отвоевывают новые части хаоса и космологизируют его [Топоров, 1988].

Вещи и явления окружающего мира мифологическое сознание наделяет определенной символической значимостью. Явления получают своеобразную иерархию, на них накладываются социальные характеристики. Все значимые для человека вещи выступают реализацией некоторого мифологического замысла. Таким образом, мифологическая система ценностей определяет знаково-символический статус вещей, поступков людей, при котором, миф отражает систему протоморальных регулятивов и норм.

Сознание серийного убийцы в широком смысле не отличается от сознания человека «положительного» – убийца также сформирован в социуме, изначально имеет чувства, ощущения, привязанности, желания и т.п. При этом в каждом конкретном случае, в жизни каждого убийцы присутствует «зона слома», и, собственно, «точка слома», когда человек принимает сторону «тени». Согласно концепции архетипов К.Г. Юнга, тень, это «низший человек в нас», (архетип Тени, архетип Маски) в том числе агрессивные влечения и животный инстинкт. Моральное зло коренится в человеческой субъективности, оно неразрывно связано с индивидуальной виной, свободой и ответственностью. Это такое употребление специфических личностных способностей (прежде всего, сознания и воли), которое направлено на разрушение человека. В феномене морального зла происходит самоуничтожение человеческого в человеке, и, шире – дегуманизация общества.

Как известно, в философии Г.В. Лейбница моральное зло понято как дисгармония интеллектуальной и инстинктивной сторон психики. Зло начинается тогда, когда погоня за счастьем приводит к предумышленному попранию закона морали.

Согласно И. Канту, мы не способны полностью отбросить нормы морали или заменить ее другими, дурными нормами. Следовательно, радикальное зло имеет место тогда, когда мы признаем закон морали, но в то же время делаем исключение для самих себя. Существование зла по Бердяеву есть величайшая тайна жизни, при этом он всячески подчеркивает иррациональность природы зла и насилия.

В своих трудах Л.Н. Толстой дает три определения насилия: физическое пресечение, угроза убийства или убийство; внешнее воздействие; узурпация свободной воли человека. Таким образом, зло, являясь перманентным компонентом мироздания, транслировано в «ядро» человеческого сознания как механизм замедленного действия.

Обратимся к основополагающей структурной единице мифологического сознания – мифологеме. При том, что она, как правило, моделирует художественное пространство и, будучи предельно этноспецифичной (в отличии от абстрактного архетипа), позиционируется как частица анализа культурно-национальной картины мира, особый интерес может представлять опыт интеграции мифологемы в качестве инструмента рассмотрения феномена серийного убийства с позиции мифологической, вскрывающей глубинную сущность человека.

Остановимся подробнее на мифологических представлениях, отражающих мифологическую картину мира, а именно на сказке, как несомненном объекте детского первородного интереса серийного убийцы. Известные любому человеку персонажи – Баба Яга, Кощей Бессмертный, Кот Баюн, Соловей Разбойник, по сути, являются такими же убийцами, как и наш предполагаемый подследственный, воплощением архетипов Тени и Маски и, конкретнее, олицетворением мифологемы Зла. Каждому из них присущ когнитивно-поведенческий модуль, закрепленный в мифопоэтических представлениях, в случае, к примеру, Кота Баюна, и, проявившихся иррациональных представлений в период формирования личности – у подследственного.

Основная мысль данного предположения заключается в попытке рассмотреть глубинную сущность криминальной действительности, в данном случае на примере феномена серийного убийства, сквозь призму мифа (сказки), тем самым наметив пути формирования нового русла в вопросах изучения уголовного права. Апеллируя (возможно, при допросе) к образам и мыслеформам мифологического сознания, проецируя личность убийцы на персонаж русской сказки, погружая в образы детства, представляется возможным добиться снятия у обвиняемого состояния тревоги, переключить внимание, увести от намеченной им стратегии построения разговора, что в свою очередь может способствовать облегчению процесса следствия. При том, что допрос, безусловно, является технологически выверенным процессом, точечное воздействие через миф (сказку) на определенные мишени сознания убийцы, затрагивающее глубокие детские переживания, вероятно рассмотреть как интеграцию методов психологии, мифологии и криминалистики с точки зрения переосмысления направления допросной деятельности с заимствованием подходов.

Учитывая биологические и социальные детерминанты криминального поведения, нельзя не учитывать и роль акустической среды. Принимая во внимание тот факт, что допрос это одно из наиболее психологизированных следственных действий, в основе которого лежат личностные особенности реконструкции преступления, предполагаем, что для установления тесного психологического контакта следователя и серийного убийцы, получения максимально

качественной информации от обвиняемого с целью дальнейшего составления оперативного прогноза и повышения скорости и количества раскрываемости серийных убийств, можно делать акцент на преимущественно сильных звуковых раздражителях акустической среды, которые, как правило, прочно оседают в памяти (крик, вой, плач, стон и т.п.). Задавая вопросы о звуках, сопровождающих совершение преступления, следователь погружает убийцу в характерное состояние сознания, приближенное к тому «трансу», о котором будет упомянуто ниже.

Позволим себе не останавливаться здесь на существующих типологиях серийных убийц, однако отметим, что особый интерес представляет вопрос о том, отдает ли себе убийца отчет в своих действиях. В данном аспекте внимания заслуживает феномен транса. Являясь (в традиционных культурах) состоянием, позволяющим носителям культуры общаться, например, с духами предков, транс как состояние убийцы в конкретный момент времени, представляет собой изоляцию внимания от внешней среды посредством воспоминаний и звуков. Концентрация смещается во внутренние психические (часто психотические, с грубым искажением осознания происходящего) процессы (мысли, образы, воспоминания, представления) и происходит деструктивное конструирование субъективной реальности. При этом имеет место искажение восприятия времени, увеличение визуальных образов, ультрадианные (сверхкороткие) ритмы жизнедеятельности мозга, провоцирующие формирование в сознании убийцы «нового мира». Так, серийное убийство – это поведенческий акт, «замыкание» системы внешнего и внутреннего, сужение сознания, повышенная роль подсознания и бессознательных механизмов, и, как следствие, акт трансовый, так как транс активизирует ресурсы личности с помощью редукции жестких когнитивных ограничений, вследствие чего происходит реорганизация внутреннего опыта убийцы.

Серийное убийство чаще всего принято относить к преступлению, совершаемому на сексуальной почве (З. Фрейд, Р. Ресслер и др.). Безусловно, отрицать данное утверждение нельзя. Тем не менее, представляет интерес рассмотрение убийства через призму мифологического сознания, для которого транс является состоянием органичным [Мнацакян, 2014].

С точки зрения психологического и биологического механизма совершения убийства транс предполагается нами как константа вне зависимости от наличия либо отсутствия состояния аффекта. Здесь необходимо сделать акцент на том, что понятие «убийство в состоянии аффекта» и «убийство в состоянии транса» не равнозначны и не взаимоисключающие. С одной стороны, серийное убийство в состоянии аффекта совершено быть не может, так как аффект предполагает мгновенную и не подготовленную агрессивную реакцию на раздражающий фактор.

С другой – состояние аффекта, предполагающее вспышку ярости, реализуемую в лишении жизни «обидчика», не исключает транс, который подразумевает пролонгированное состояние сознания убийцы, имеющее «точку входа» – момент возникновения в памяти воспоминания, собственно убийство и момент выхода из измененного состояния сознания – эмоциональное охлаждение и возврат в реальное время и пространство. В данном случае аффект можно проследить только в момент именно убийства, то есть точно.

Заключение

Отсюда следует, что серийное убийство всегда совершается под действием возрастной регрессии (уход в прошлое), гипермнезии (наслоение, наплыв воспоминаний), и представляет собой некий итог внутреннего диалога убийцы со своим прошлым. Понятия «аффект» и «транс»

в данном случае оказываются крайне близки, с той лишь разницей, что пролонгация во времени в состоянии аффекта сокращена. Конечно же, здесь не идет речь о том, что результаты психиатрических экспертиз следовало бы подвергать сомнению. Напротив, экспертиза дает научное медицинское подтверждение тому факту, что совершение убийства предполагает измененное состояние сознания, так или иначе концентрирующее внимание серийного убийцы.

Конечно же, в рамках одной статьи невозможно полноценно продемонстрировать механизм функционирования обозначенного межпредметного синтеза. Тем не менее, в настоящей работе положено начало нового неординарного подхода к изучению некоторых вопросов, находящихся в уголовно-правовом поле.

Библиография

1. Есаков Г.А. (ред.) Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий. М.: Проспект, 2022. 848 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Азбука-Аттикус, 2017. 320 с.
3. Мнацакяня Л.А. Темброакустическая модель как инструмент исследования фольклора и композиторского творчества: дис. ... канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.
4. Мнацакяня Л.А. Темброакустическая модель как инструмент исследования фольклора и композиторского творчества: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2014. 26 с.
5. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. 719 с.
6. Юнг К.Г. Воспомятая, сны, размышления // Дух и жизнь. М., 1996. С. 7-369.
7. Yaksic E., Hickey E. Killer data: Modern perspectives on serial murder. – Routledge, 2022.
8. Rezei Gelvardi A., Sadeghi A. Criminal investigation of serial murders: challenges and solutions //Journal of Legal Research. – 2023.
9. Fridel E. E., Fox J. A. The quantitative study of serial murder: Regression is not transgression //Aggression and violent behavior. – 2019. – Т. 44. – С. 24-26.
10. Gross M. Serial Murder and Media Coverage. – 2020.

Mythologeme as a tool for studying the deep essence of serial murder

Lyudmila A. Mnatsakanyan

PhD in History of Arts,
Leading Specialist-Expert of the Citizenship Department,
Migration Department of the Main Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory,
350020, 266, Kommunarov str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: lmnatsakanian@mvd.ru

Svetlana K. Tseeva

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Forensic Science,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Elena M. Kurbanova

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Administrative and Criminal Law,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: elena-kurbanova@mail.ru

Abstract

The article outlines ways to form the experience of posing the problem of considering serial murder through the prism of mythological ideas and expanding the scope of the approach to interrogation activities. It is shown in this paper that serial murder is always committed under the influence of age regression (going into the past), hypermnesia (or layering, influx of memories), and is a kind of result of the killer's internal dialogue with his past. The concepts of "affect" and "trance" in this case are extremely close, with the only difference that the prolongation in time in the state of passion is reduced. Of course, this is not to say that the results of psychiatric examinations should be questioned. On the contrary, the examination provides scientific medical confirmation of the fact that the commission of a murder involves an altered state of consciousness, one way or another concentrating the attention of a serial killer. Of course, within the framework of one article it is impossible to fully demonstrate the mechanism of functioning of the indicated interdisciplinary synthesis. Nevertheless, this work marks the beginning of a new extraordinary approach to the study of some issues that are in the criminal law field.

For citation

Mnatsakanyan L.A., Tseeva S.K., Kurbanova E.M. (2023) Mifologema kak instrument issledovaniya glubinnoi sushchnosti seriinogo ubiistva [Mythologeme as a tool for studying the deep essence of serial murder]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 374-381. DOI: 10.34670/AR.2023.12.19.057

Keywords

Murder, criminal law, myth, archetype, ritual, trance, trance action, interrogation.

References

1. Esakov G.A. (ed.) (2022) *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateinyi kommentarii* [Criminal Code of the Russian Federation: article-by-article commentary]. Moscow: Prospekt Publ.
2. Jung K.G. (1996) *Vospominaya, sny, razmyshleniya* [Memories, Dreams, Reflections]. In: *Dukh i zhizn'* [Spirit and Life]. Moscow.
3. Losev A.F. (2017) *Dialektika mifa* [Dialectic of myth]. Moscow: Azbuka-Attikus Publ.
4. Mnatsakanyan L.A. (2014) *Tembroakusticheskaya model' kak instrument issledovaniya fol'klora i kompozitorskogo tvorchestva. Doct. Dis. Abstract* [The timbroacoustic model as a tool for the study of folklore and composer creativity. Doct. Dis. Abstract]. Rostov-on-Don.
5. Mnatsakanyan L.A. (2014) *Tembroakusticheskaya model' kak instrument issledovaniya fol'klora i kompozitorskogo tvorchestva. Doct. Dis.* [The timbroacoustic model as a tool for the study of folklore and composer creativity. Doct. Dis.]. Rostov-on-Don.
6. Toporov V.H. (1988) *Model' mira* [Model of the world]. In: *Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia in 2 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. Vol. 2.
7. Rezei Gelvardi, A., & Sadeghi, A. (2023). Criminal investigation of serial murders: challenges and solutions. *Journal of Legal Research*.
8. Yaksic, E., & Hickey, E. (2022). *Killer data: Modern perspectives on serial murder*. Routledge.

-
9. Fridel, E. E., & Fox, J. A. (2019). The quantitative study of serial murder: Regression is not transgression. *Aggression and violent behavior*, 44, 24-26.
 10. Gross, M. (2020). *Serial Murder and Media Coverage*.